найдете, Израиль искал закон праведности, но не достиг, а язычники не искали праведности, но получили.

[10] См.: *Ахутин А.В.* Dasein: Материалы к толкованию // Философия: в поисках онтологии: Сб. трудов Самарской гуманитарной академии. Самара, 1998. Вып. 5. С. 45.

[11] Интересно обратить внимание на различие между русским вариантом этого стиха и лютеровским. В Синодальном издании 1902 г.: "Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее". Немецкий текст: "Wer sein Leben findet, der wird's verlieren; und wer sein Leben verliert um meinetwillen, der wird's finden". Не касаясь конфессиональных/вероучительных тонкостей интерпретации важно отметить, что в немецком тексте речь идет о человеческой *жизни*, называемой своим именем, а не о рефлексирующем сознании или душе, противопоставляемой телу. Иными словами, здесь говорится о человеке, взятом в его бытийно-историческом измерении, человеке как проживаемой, выбираемой им самим жизни. Жизнь есть то Собственное, что является сущностным, неоспоримым и неотъемлемым и ради чего утверждается необходимость ее непрестанных поисков.

[12] Излагаемая картина опыта философского мышления имеет достаточно параллелей с концепцией Р. Отто, в которой религиозный опыт основывается на переживании сакрального, представленного в виде неперсонифицированной изначальной силы, "априорного нуминозного". Согласно Отто, человек воспринимает нуминозное прежде всего как "совершенно Иное", а потому – одновременно как внушающее ужас, отталкивающее (tremendum) и неодолимо влекущее, очаровывающее (fascinans). В силу такой амбивалентности нуминозное выступает как нечто Чудовищное, Необычайное (Ungeheuer). См.: *Otto R.* Das Helige. B., 1926. 14 Aufl. Kap. 2, 5, 7, 8). Р. Сафрански отмечает, что Хайдеггер обращался к идее нуминозного у Отто еще в 1929 г. в период работы над циклом лекций по метафизике при рассмотрении темы человеческого бытия (Dasein). Основные моменты этой идеи присутствуют и в "Очерках...", но, как и ранее, переведенные из теологического в философский аспект.

М. ХАЙДЕГГЕР
ОЧЕРКИ ФИЛОСОФИИ. О СОБЫТИИ

ЧАСТЬ 6. ГРЯДУЩИЕ[1]

248. ГРЯДУЩИЕ

Те ровные сердцем пришельцы, равно решительные к дарованному им даянию и отказу. Жезлоносцы истины Бытия, в которых сущее возносится к простому господству сути всех вещей и духов. Тайные тайных свидетели молчаливейшего покоя, через которых неслышный толчок возвращает истину из путаницы всех рассчитанных пра-

вильностей в ее сущность: держать втайне сокровеннейшее, трепет перед приговором богов, бытийствование Бытия.

Грядущие: неспешно и долго внимающие основатели этой сущности истины. Противостоящие удару Бытия.

Грядущие (Zu-künftigen) это те будущие, которых, обращенно ожидающих в жертвенной сдержанности, достигает знак и натиск отдаления и приближения последнего Бога.

Этих грядущих стоит подготавливать. Такой подготовке служит изначальное мышление как умолкание События. Но мышление есть лишь *один* способ, каким немногие совершают прыжок в Бытие.

249. ОСНОВНОЙ НАСТРОЙ[2] ГРЯДУЩИХ

Отзвук и подача[3], прыжок и основание – каждый имеет свой ведущий настрой, они изначально согласовываются из основного настроя.

Однако этот основной настрой нужно не столько описывать, сколько достигать в полноте изначального мышления.

Но *одним* словом вряд ли можно обозначить этот настрой, разве что именем *сдержанности*. Однако тогда это слово должно быть взято во всей изначальной полноте, которая исторически прирастает своим значением в помышлении События.

Основной настрой заключает в себе внутреннюю расположенность, дух отважной решимости как настроенно-знающего воления События.

Ведущие настрои согласованы и созвучны друг другу.

Ведущий настрой отзвука есть страх (Schrecken) в самораскрывающейся Бытийной заброшенности и вместе с тем – *боязнь* (Scheu) отдающегося в звуке События. Только в их единстве страх и боязнь позволяют отзвуку мыслительно свершаться.

Изначальное созвучие ведущих настроев абсолютно согласовывается лишь посредством основного настроя. В нем [последнем] *суть* грядущие, и как соответственно устроенные они на-страиваются последним Богом (О настрое ср. Существенное в лекционном курсе, по Гельдерлину).

250. ГРЯДУЩИЕ

Они пребывают в господствующем – как истинном – знании. Кто достиг этого знания, тот не позволит себя исчислять и принуждать. Притом это знание бесполезно и не имеет никакой "ценности"; оно не оценивается и не может быть принято непосредственно как условие именно действующего производства.

Чем должно начинаться знание истинно знающих? *Собственным историческим* сознанием: т.е. знанием [той] области и глубин-

ным (вопрошающим) пониманием области, из которой разрешается будущая история. Это историческое сознание состоит вовсе не в констатации и изображении сиюминутных состояний и обстоятельств происшествий и их лелеемых целей и притязаний. Это знание знает часы Свершающегося, которое только и образует историю.

Наш час – эпоха нисхождения (Untergang)[4].

Нис-хождение, понятое в существенном смысле, есть движение к молчаливому приготовлению будущего – мгновения и места, на которые падает решение о пришествии и непришествии богов. Это нисхождение есть самое первое начало. Но противосущность (Unwesen)[5] нисхождения идет своим собственным, иным путем, и есть распускание, невозмогание, переставание под внешним видом Громадного и массового и первенствования оборудования перед тем, что оно должно исполнять.

Нис-ходящие в существенном смысле суть те, которые по-вергают себя под наступающее [будущее] и жертвуют ему себя в качестве будущего незримого основания, [те] настойчивые, которые непрестанно принуждают себя к вопрошанию.

Эпоха нис-хождения понятна лишь послушествующим [ей]. Все прочие должны страшиться нисхождения и потому отвергать и отрекаться от него. Потому что для *них* оно – лишь слабость и конец.

Истинно нис-ходящие не знают унылой "резиньяции", которая больше ничего не хочет, потому что она не хочет никакого будущего; также как не знают и крикливого "оптимизма", который вопреки всем заверениям еще не истинно желает, поскольку он сопротивляется желанию выйти за собственные рамки, чтобы именно в превращении обрести самого себя.

Нис-ходящие суть всегда вопрошающие. Не-покой вопрошания не есть пустая неопределенность, но есть открытие и оберегание того покоя, который – как сосредоточенность на сомнительнейшем (Событии) – терпеливо ожидает простой глубины призыва и выдерживает крайнее озлобление бытийной заброшенности.

Вопрошание о сущности истины и о бытийствовании Бытия – что же это как не решимость к высшему осмыслению? Но эта решимость возрастает из открытости к необходимому, которое делает неизбежным опыт нужды бытийной заброшенности. Однако опыт этой нужды вновь зависит от величия силы воспоминания, в общем от господствования знания.

Вопрошание такого рода есть сдержанность искания – где и как истина бытия позволяет себя обосновывать и таить.

Искание вовсе не есть голое *ещене*имение, лишенность. Так рассмотренное оно будет исчислено лишь достигнут результатом. Изначально и непосредственно искание есть про-движение в область, где истина открывает сама себя или отказывает в этом. Искание есть само по себе будущее и при-ближение к бытию. Именно

искание приводит ищущего к *самому себе*, т.е. к самости Вот-бытия (Da-sein), в котором совершается просвет и сокрытие сущего.

Само-бытие есть уже заключающаяся *в* искании находка, подлинный светоч, который первым освещает всякий дар, только в силу чего мы открыты отзвуку Единственнейшего и Величайшего.

251. СУЩНОСТЬ НАРОДА И ВОТ-БЫТИЕ

Народ есть *лишь* в том случае народ, если он сохраняет причастность своей истории при нахождении своего Бога, того Бога, который понуждает его выйти за собственные пределы и так обращает его в сущее. Только в этом случае он избегает опасности вращаться вокруг самого себя и обожествлять для самого себя в качестве *безусловного* то, что является всего лишь условиями его наличного состояния. Но как он должен найти Бога, если нет тех, которые *для* него [народа] молчаливо *ищут* и, как такие искатели, даже должны по-видимому *противостоять* народу, *еще не* ставшему народом! Ведь эти ищущие сначала сами должны *быть*[6]; как таковых их нужно готовить. Вот-бытие – разве не есть оно не что иное как *основание* бытия *этих* сущих, грядущих последнего Бога.

Сущность народа основывается в историчности принадлежащих *себе из* послушествования Богу. Только из События, в котором исторически основывается это послушествование, проистекает обоснование [того], почему "жизнь" и плоть, размножение и поколение, род, одним словом, Земля, принадлежат истории и на свой лад вновь принимают историю в себя, и при всем том лишь служат противоборству[7] Земли и Мира, движимые глубочайшей боязнью когда-либо быть безусловным. Их сущность ведь именно из-за укорененности в противоборстве одновременно близка Событию.

252. ВОТ-БЫТИЕ И ГРЯДУЩИЕ ПОСЛЕДНЕГО БОГА

Этот Бог воздвигнет перед своим народом простейшие, но высочайшие противоречия в виде путей, по которым [народ] отправится, преодолевая себя, чтобы когда-нибудь все же обрести собственную сущность и исчерпать момент своей истории.

Мир и Земля в их *противоборстве* поднимут Любовь и Смерть до их высочайшего уровня и в вере в Бога и в постоянстве смятения сомкнутся в многообразном одолевании истины сущего.

Грядущие последнего Бога обретут Событие в борении этого противоборства и, обращая вспять мысленный взор, вспомнят величайшее творение как исполнившуюся единственность и неповторимость бытия. Наряду с этим Массовидность даст волю всем своим неистовым происками и поставит на поток сомнительное и половинчатое, все самообнадеживающееся лишь сиюминутным. Не *пройдет* ли тогда время богов и не начнется ли обратное падение в пус-

тое жизнепрепровождение *мирооскудевших существ*, для которых Земля останется лишь чем-то используемым?

Сдержанность и молчаливость станут сокровеннейшим праздником последнего Бога и достигнут своего способа доверия простоте вещей и собственного направления глубины завораживающей отрешенности их трудов, сберегание истины втайне останется Сокровеннейшим и тем самым придаст ему единственное настоящее.

Сегодня уже есть немногие из этих грядущих. Их предчувствие и искание едва ли понятно *им* самим и их подлинному неспокойствию; но это неспокойствие – спокойное состояние разверзтости. Оно несет некую достоверность, которая затронута пугающим и отдаленнейшим знаком последнего Бога и [тем самым] направлена на вторжение События. Только в сдержанной молчаливости этот знак сохраняется как знак, и только такое сохранение всегда равно находится в расставании и прибытии, есть одновременно и в печали *и* в радости, в том основном настрое Сдержанных, которому одному лишь открывается и скрывается разверзтость Бытия. Последствие и случайность, натиск *и* знак.

Немногими грядущими можно считать по сути незаметных, которым не требуется никакая публичность, но которые собирают в собственной внутренней красоте заревые проблески последнего Бога и, отражая, вновь дарят их немногим и редким. Все они образуют *Вот-бытие*, через него пульсирует гармония близости Бога, которая [близость] не превосходит себя и также не уменьшается, признав для себя неколебимость глубочайшей боязни как единственное пространство [такой] пульсации. Вот-бытие – это взаимопроникающее движение всех отношений отдаления и приближения (натиска) последнего Бога.

Чудовищный объем только лишь сущего, противосущего вообще и редкостность бытия – [вот] почему ищут богов *внутри* сущего. Когда ищут и не находят, втягиваются в вынужденные интриги, – никакой свободы сдержанного ожидания и ожидаемой возможности встречи и знака. Благородное мужество послушания и твердая вера в знак, гремящий гнев Ужасающего, Вот-бытие должно бы быть *глубиннейшим строем* [innerste Ordnung], только из которого *борение* [Bestreitung] принимает для себя закон. Он озаряет все встречное и впервые позволяет нам испытать Простое существенного. Строй есть наипростейшее себявляющее и с легкостью рассматривается неправильно – как нечто "рядом" или "над" явлениями, т.е. *не* усматривается.

Грядущие, укрепившиеся в основанном Вот-бытии поддержатели характера сдержанности, только к ним под-ступает бытие (скачок) как Событие, их пре-существляет и определяет к сбереганию своей истины.

Гельдерлин – их поэт, издали прибывший и потому наигрядущий. Гельдерлин – наигрядущий, потому что он заходит далее всех и в этой дали *прослеживает* и преобразует Величайшее.

Совершенно Иной
против уже бывших,
особенно христианского.

253. ПОСЛЕДНЕЕ[8]

есть То, в чем не только нуждается самое долгое пред-шествование, но что *есть* оно само, не прекращение, но глубочайшее начало, которое, необозримо простершись, [тем не менее] достигается тяжелее всего.

Поэтому Последнее не поддается никакому исчислению и потому должно выносить груз распространенных и частых превратных толкований. Как иначе оно могло бы остаться предваряющим?

Если мы даже и "смерть" в ее предельности постигаем столь мало, то как тогда мы хотели бы соответствовать гораздо более редкому знаку последнего Бога?

254. ОТКАЗ

Мы попадаем во временно́е поле решения через исход и пришествие богов. Но как это? Станет ли одно или другое будущим Свершением, должно ли определять одно или другое созидающее ожидание? Или решение есть открытие некоего совершенно иного временно́го пространства для некоей, даже первой, обоснованной истины Бытия, События?

Каким образом, когда именно та область решения вообще, исход или пришествие богов, сама стала бы конечной целью (Ende)? Каким образом, когда сверх этого должно бы быть впервые схвачено Бытие в своей истине как свершение, в качестве которого сбывается То, что мы называем *отказом*?

Это не исход и не пришествие, но Изначальное, полнота исполнения Бытия в отказе. В этом основывается исток будущего характера действия (Stil), т.е. сдержанности в истине Бытия.

Отказ есть высшее благородство даяния и основная черта самоутаивания, открытость *которого* составляет изначальную сущность истины Бытия. Только так Бытие становится самой поразительностью (die Befremdung selbst), тишиной прохождения последнего Бога.

Но Вот-бытие, свершаясь в Бытии, есть как основание хранимости (Wächterschaft) этой тишины.

Теперь исход и пришествие богов сближаются в сбывшемся и изымаются из прошедшего[9].

А будущее, истина Бытия как отказ, содержит в себе гарантию величия, не пустую и огромную бесконечность, но кратчайший путь.

Но этой истине Бытия, отказу, свойственно маскирование противосущего как такового, распускание и растрачивание Бытия. Теперь должна оставаться только бытийная заброшенность. Однако распускание не есть голый произвол и беспорядок, напротив: сейчас все схвачено планомерной управляемостью и педантичностью правильного движения и "полного" овладевания. *Махинаторство* берет под свою защиту противосущее под видом [настоящего] сущего, а запустение человека, с необходимостью этим вынуждаемое, восполняется "переживанием".

Все это в качестве противосущности должно стать более необходимым чем прежде, так как Поразительнейшее также нуждается в этом обиходнейшем, а разверзтость Бытия не может быть заполнена выдуманной видимостью компромиссов, "счастья" и ложного осуществления, потому что все это прежде всего ненавидит последний Бог.

Но *последний* Бог – не есть ли это умаление Бога, даже прямое кощунство? Почему же – если последний Бог должен быть так назван, поскольку решение о богах выносится в конце концов среди них и ими самими, и таким образом суть неповторимости божественной сущности поднимается на предельную высоту?

Последний Бог, – если здесь мы помыслим исчисляюще и этот "последний" поймем только как прекращение и конец вместо предельного и кратчайшего решения о Наивысшем – тогда, конечно, всякое знание о нем невозможно. Но зачем следовало бы исчислять в мышлении о сущности Бога вместо того, чтобы осмыслить рискованность (die Gefahr) Поразительного и Неисчисляемого?

255. ПОВОРОТ В СОБЫТИИ

Здесь следует рассматривать
Событие относительно человека,
который определяется из него
как человеческое бытие.

Свое существеннейшее свершение и свой широчайший всплеск Событие получает в Повороте[10]. Бытийствующий в Событии Поворот есть скрытое основание всех других, подчиненных, темных в происхождении, остающихся без вопросов, охотно воспринимаемых как "последние" поворотов, круговращений и кругов (ср., например, Поворот в последовательности ведущих вопросов, круг в понимании).

Что есть этот изначальный Поворот в Событии? Лишь натиск Бытия как сбывания Вот[11] приводит Вот-*бытие* (Da-*sein*) к самому себе и таким образом – к исполнению (сбереганию) основанной в своем состоянии истины в сущее, которое находит свое место в прояснившемся утаивании Вот.

И *в Повороте*: Лишь основывание Вот-*бытия*, подготавливание готовности к завораживающей погруженности в истину

Бытия, выводит Зависимое и Послушное[12] к знаку теснящего сбывания.

Если, с одной стороны, Вот-бытие как открытое средоточие истины *посредством* События повергает *себя* основывающей самости и становится собой, простое человеческое бытие, с другой стороны, должно принадлежать Событию как скрытая возможность основывающего бытийствования Бытия.

И в Повороте: Событие должно нуждаться в простом человеческом бытии, в подобной потребности призывать его и, таким образом, ставить его перед прохождением последнего Бога.

Поворот бытийствует между призывом (послушествующему) и послушанием (призываемого). Поворот есть раз-ворот. *Вызов* к прыжку в сбывание есть великая тишина сокровеннейшего себязнания.

Отсюда берет свое первоначально всякий язык Вот-бытия, и потому [он] есть по сути молчание (ср. Сдержанность, Событие, Истина и Язык).

Так Событие "есть" высшее господствование как разворот к отворачиванию и исходу бывших богов. Высочайший Бог требует Бытия.

Призыв есть натиск *и* ожидающее пребывание в тайне сбывания.

В Повороте играют знаки последнего Бога – как натиск и пребывание в ожидании пришествия и исхода богов и средоточия их господствования.

В этих знаках подается закон последнего Бога, закон великого разобщения в Вот-бытии, одиночества жертвы, неповторимости выбора кратчайшего и отвеснейшего пути.

В существе знака заключена тайна единства предельного приближения с крайним отдалением, масштаб [Ausmessung] широчайшего хронотопа[13] Бытия. Это высочайшее бытийствование Бытия требует самого существа нужды[14] бытийной заброшенности.

Эта нужда должна принадлежать властному призыву такого знака. То, что звучит в подобной зависимости и подготавливает [названную] широту, может [в состоянии] сначала подготовить к противоборству Земли и Мира, истине Вот, через это – место момента решения и этим – борения, и тем самым – сбереганию в сущем.

Свершается ли еще время от времени открыто *этот призыв* высшего знака, сокровеннейшее сбывание, или немеет ли нужда и всякое властвование пребывает в ожидании, и, если призыв звучит, бывает ли он тогда еще [и] услышан, становится ли ввергание в Вот-бытие и с тем – становится ли Поворот из его истины еще [и] историей, – в этом разрешается будущее человека. Он может своими махинациями еще столетия разграблять и опустошать планету, громадные размеры этой деятельности могут "развиваться" до непредставимых пределов и принимать форму кажущейся строгости,

массового регулирования опустошения как такового, – величие Бытия останется закрытым, поскольку никакие решения не наведут больше на истину и неистину и их сущность. Будет лишь подведен счет удавшемуся и неудавшемуся в махинациях. Это подсчитывание раскинется в некую самоизобретенную "вечность", которая вовсе не есть вечность, а есть лишь бесконечное "итакдалее" пустейшей мимолетности.

Где истина бытия не востребована, не введена в волю знания и опыта, в вопрошание, [там] *Мгновению* как просверку Бытия из состояния простого и никогда не исчисляемого События не выделено никакого временного промежутка.

Или же мгновение принадлежит всего лишь уединеннейшим одиночествам, которым, однако, отказано в основополагающем согласии на учреждение истории. Но эти мгновения, и только они одни, могут стать готовностью, в них Поворот События разворачивается и сочетается в истину.

Однако лишь настоящее упорство в непреодолимо простом и существенном созрело для подготавливания подобной готовности, – и никогда – мимолетность поспешно опережающих себя махинаций.

256. ПОСЛЕДНИЙ БОГ

Свое *бытийствование* он имеет в знаке, натиске и терпеливом ожидании как пришествия, так и исхода сущих ранее богов и их скрытого превращения. Последний Бог не есть само Событие, но, пожалуй, востребующий его [Событие] как то, чему принадлежит основатель Вот (der Dagründer).

Этот знак как Событие ставит сущее в предельную бытийную заброшенность и одновременно высвечивает истину Бытия как ее глубиннейшее сияние.

В пространстве властвования знака вновь сходятся для самого простого противоборства Земля и Мир: полнейшая скрытость и высшее просветление, благостная притягательность и внушающее ужас отталкивание. И это опять смотря только исторически: ступенями, областями и уровнями сберегания истины в сущем, вследствие чего это последнее снова становится еще более сущим во всем безмерном, но искаженном до неузнаваемости угасании в противосущем.

В таком бытийствовании знака Бытие достигает собственной *зрелости*. Зрелость есть готовность стать плодом и дарованием. Здесь бытийствует *Последнее, существенная*, истребованная из начала, не сообщенная ему конечная *цель* (Ende). Здесь раскрывает себя внутреннейшая конечность Бытия: в знаке последнего Бога.

В зрелости, способности стать плодом и [способности к] величию дарования одновременно заключена *сокровеннейшая* сущность "Нет" как "Еще-не" и "Больше-не".

[Именно] из этого следует предугадывать глубину вкоренения (Einwesung) отрицательного в Бытии. Но в соответствии с бытийствованием Бытия, в игре нападения и выжидания, у самого *"Нет"* есть различные образы истины, а следовательно, также [такая как] *Ничто*[15]. Будучи вычисленным только "логически" через отрицание сущего в смысле наличествующего (ср. замечания в рукописном экземпляре "Что такое метафизика?") и объясненным лишь словесным образом, другими словами, вопрошание вообще никогда не попадет в сферу вопроса о *Бытии*, тогда всякое возражение против вопроса о Ничто будет напрасной болтовней, которой не дано когда-либо проникнуть в решающую область вопроса о существеннейшей конечности Бытия.

Но эта область достижима только в силу подготавливания долгого предчувствия последнего Бога. И грядущие последнего Бога будут подготовлены *только* лишь посредством тех, которые находят, размеряют и созидают *обратный* путь из изведанной бытийной заброшенности. Без жертвы этих обратившихся[16] не замерцать возможности знака последнего Бога. Эти обратившиеся суть истинные пред-течи грядущих.

(Но также эти обратившиеся – совсем иные, нежели многие всего лишь "ре-активные", чья "активность" находит свое выражение только в безрассудном упорном цеплянии за собственную ограниченную сиюминутность. Им никогда не было открыто бывшее в его вторжении в будущее и ни разу не было ясным будущее в его призыве к бывшему.)

Последний Бог – единственный и беспримерный и находится вне того рассчитывающего обозначения, которое подразумевают названия "моно-теизм", "пан-теизм" и "а-теизм". "Монотеизм" и все виды "теизма" появляются лишь с иудейско-христианской "апологетикой", которая имеет предпосылкой мышления "метафизику". Со смертью этого бога рушатся все теизмы. Множественность богов не подводится ни под какое число, но относится к внутреннему богатству оснований и бездн в хронотопе озарения и сокрытия знака последнего Бога.

Последний Бог есть не конечная цель (Ende), но иное начало неизмеримых возможностей нашей истории. Ради этого начала история, бывшая до настоящего времени, не может просто кончиться, но она должна быть приведена к своей цели. Мы должны ввести просветление ее существенных основоположений в [собственную] переходность и готовность.

Подготавливание явления последнего Бога есть предельный риск истины Бытия, только в силу которой человеку удается возвращение сущего.

Величайшая близость последнего Бога сбывается тогда, когда Событие как нерешительное отказывание от себя достигает высшей точки в *отказе*. Это нечто существенное иное, нежели простое

отсутствие. Отказ как принадлежащий Событию позволяет познать себя лишь из изначальнейшей сущности Бытия, каким оно просвечивает в мышлении иного начала.

Отказ как близость неот-вратимого делает Вот-*бытие* преодолимым, т.е. не подавляет его, но возносит к основанию собственной свободы.

Но может ли человек справиться с обоими [моментами], претерпеванием отзвука События как отказа и осуществлением перехода к основанию свободы сущего как такового, к обновлению Мира из спасения Земли; кто бы мог это решать и знать? И так может быть остаются те, кто расточает себя в этой истории и ее основании, всегда отторгнутые друг от друга, вершины разделеннейших гор.

В отказе предельная дальность последнего Бога есть единственная в своем роде близость, отношение, которое не может быть извращено и устранено никакой "диалектикой".

Но близость слышится в отзвуке Бытия из опыта нужды бытийной заброшенности. Однако этот опыт есть первый подступ к прорыву в Вот-бытие. Потому что только если человек исходит из этой нужды, он выводит на свет [свои] нужды и лишь этим приобщает свободу послушествования ликованию Бытия.

Лишь если кто слишком коротко мыслит, т.е. собственно никогда не *мыслит*, застревает на том, что преодолевается отрицанием и отказом, [застревает] чтобы воспользоваться этим как поводом для отчаяния. Но это всего лишь свидетельство того, что мы еще не измерили (ermessen) весь Поворот Бытия, чтобы в нем найти меру Вот-бытию.

Отказ принуждает Вот-бытие к нему в качестве основания места *первого* прохождения Бога как отрицающего себя. Лишь из этого момента может быть измерено то, каким образом Бытие как сфера События такого принуждения должно возвращать сущее, в каковом преодолении сущего должно исполниться признавание Бога.

В этой борьбе за последнего Бога и, значит, за основание истины Бытия как периода тишины его прохождения (мы не в состоянии бороться собственно за Бога) мы с необходимостью находимся в сфере власти Бытия как свершения и тем самым – на предельной широте острейшего вихря Поворота.

Мы должны подготавливать основание истины, и это выглядит так, как если бы тем самым уже предопределялось признавание и вместе с тем охранение последнего Бога. В то же время мы должны знать и держаться того, чтобы востребовалось сберегание истины в сущем и этим – история охранения Бога лишь им самим и [также] способ, каким он нуждается в нас как основывающих личностное бытие; востребовался бы не некий дорожный указатель, но изначальнее и по сути так, чтобы его прохождение требовало постоянствования сущего и тем – человека в центре сущего; такое постоян-

ствование, только лишь в котором сущее с самого начала выдерживает прохождение (Vorbeigang) в простоте своей вновь возвращенной сущности (как труд, инструмент, вещь, деяние, взгляд и слово), т.е. не приостанавливает его, но позволяет властвовать как ходу.

Здесь не происходит никакого растворения[17], т.е. в самой основе подавления человека, но *введение* первичной сущности (основывание Вот-бытия) в само Бытие: признание послушествования человека Бытию через Бога, [и] нисколько не умаляющее себя и собственное величие признание Бога в потребность в Бытии.

Это послушествование Бытию и эту потребность Бытия Бытие раскрывает лишь в собственном самоутаивании как такую поворотную средину, где послушествование возвышается над потребностью, а потребность превосходит послушествование: Бытие как Событие [С-вершение – Er-eignis], которое происходит из этого поворотного преизбытка себя и так становится источником противоборства Бога и человека, прохождения Бога и истории человека.

Всякое сущее, каким бы навязчивым и обособленным, самодостаточным и первоочередным оно не показалось без-божному и нечеловеческому исчислению и проведению, есть лишь предстояние Событию, в котором (предстояние) место прохождения последнего Бога и человеческое охраняющее бодрствование ищут постоянствования, чтобы оставаться в готовности к сбыванию (Ereignung) и не препятствовать Бытию, чем исключительно должно было все же заниматься бывшее до сих пор сущее – в бывшей до сих пор истине.

Помышление истины Бытия удается лишь в том случае, когда в прохождении Бога полномочие человека ясно становится его необходимостью и таким образом открывается с-бывание в преизбытке Поворота – между послушествованием человека и божественной потребностью, чтобы обнаружить их самоутаивание как средоточие, а себя – как средоточие самоутаивания, и добиться доступа и тем самым положить свободу в основу Бытия как и подвести к прыжку основание – Вот.

Последний Бог есть начало самой долгой истории в ее самом коротком пути. Долгая подготовка требуется для великого момента его [Бога в пути] прохождения. И для этого подготавливания слишком малы народы и государства, т.е. [они] слишком уж исторгнуты из всякого бодрствования и подвержены махинациям.

Лишь отдельные великие и тайные будут создавать тишину для прохождения Бога и меж собой готовить ее умолкнувшее созвучие [гармонию].

Бытие как единственнейшее и редчайшее в противовес Ничто будет отступать из массовидности сущего, и всякая история будет служить только этому лишению бытия в его полной истине там, где она будет застигнута в ее собственной сущности. А всякое публичное будет раздробляться в своих успехах и поражениях и следовать друг за другом с головокружительной быстротой, чтобы каждому

на свой лад *ничего* не подозревать о том, что происходит. Только между этой массовой сущностью и подлинно жертвующими будут искать и находить себя Немногие и их союзы, чтобы предугадать, что для них свершается нечто сокровенное, то [самое] прохождение, при всем затаскивании в [искусственные] ограничения всякого "происходящего", тотчас полностью ухватываемого и без остатка поглощаемого. Искажение и путаница запросов и сфер притязаний не смогут быть большими, поскольку истина самого Бытия в острейшей резкости его разверзтости подвела к финалу сущностные возможности.

Этот исторический момент не есть "идеальное состояние", потому что последнее всякий раз противоречит сущности истории, но этот момент есть сбывание того Поворота, в котором истина Бытия приходит к Бытию истины, так как Бог нуждается в Бытии, а человек как Вот-бытие должен основывать послушествование Бытию. Тогда, для этого мгновения, Бытие есть глубиннейшее Между, равное Ничто, Бог превозмогает человека, а человек возвышается над Богом, так сказать, непосредственно, и однако же оба – лишь в Событии, в качестве которого есть истина самого Бытия.

Но долгая и многажды повторяющаяся и во многом тайная история будет происходить до этого неисчислимого мгновения, которое также никогда не сможет быть чем-то поверхностно заметным наподобие "цели". Лишь Созидающие уже должны в сдержанности заботы ежечасно готовить самих себя к охраняющему бодрствованию во временном поле того прохождения. И думающее размышление над этим единственным: истина Бытия, может быть только одна стезя, на которой все же мыслится немыслимое, т.е. начинается метаморфоза отношения человека к истине Бытия.

Вопросом о Бытии, который преодолел вопрос о сущем и с тем – всю "метафизику", зажжен факел и отважно начат первый разбег для дальнего пути. Где бегун, который примет факел и передаст впереди идущему? Бегунами должны быть все, и чем они позже [явятся], тем сильнее должны быть *пред*-течи, не эпигоны, которые лишь "улучшают" и перелагают первый опыт, если он укрепится в положении. Пред-течи должны все время быть *начинающими* изначальнее, нежели "пред"-шествующие им (т.е. те, кто позади), мыслить Одно и То же того, о чем необходимо вопрошать, все проще, богаче и непременно единственным [в своем роде] способом. То, что они перенимают, в чем они подхватывают факел, не может быть чем-то высказанным наподобие "учения" или "системы" или чего-то такого, но понужденным, что открывает себя лишь тем, которые сами, по безосновному происхождению, принадлежат к принужденным.

Но принуждающее есть лишь одно Неисчисляемое[18] и Неподвластное События, истина Бытия. Блажен тот, кто может принадлежать пагубе его разверзтости, чтобы быть зависимым от всегда

начального диалога одиноких, в котором подает знак последний Бог, потому что он в своем прохождении обозначается через них.

Последний Бог не есть конечная цель, но внутреннее нарастание начала и вместе с тем высший образ отказа, так как Изначальное исторгает себя из любого фиксированного и бытийствует лишь в превосхождении всего того, что в качестве будущего уже уловлено в него и препоручено его определяющей силе.

Конец *есть* лишь там, где сущее вырвалось из истины Бытия, где всякое сомнение и, значит, всякое различение отреклись от самих себя, чтобы в бесконечном времени располагать бесконечными возможностями такой отвязанности. Конец есть безостановочное И-так-далее, от которого с самого начала и очень давно уклонилось *Последнее* как Начальнейшее. Конец никогда не понимает сам себя, но считает себя совершенством, и потому был и будет в наименьшей степени готов ожидать или узнавать *Последнее.*

Имея установку на сущее, определяемую происхождением из "метафизики", мы лишь с трудом и медленно сможем познать Другое, что ни в "личном", ни в "массовом" "переживании" Бог еще не является, но единственно – в неизмеримом "пространстве" самого Бытия. Никакой существующий до настоящего времени "культ" и "церковь" и тому подобное вообще не может стать сущностным приготовлением соединения Бога и человека в центре Бытия. Потому что вначале должна быть основана истина самого Бытия, и для этого заданного всякое созидание должно иметь другое начало.

Сколь немногие знают о том, что Бог ожидает основание истины Бытия и тем самым – прорыва (Einsprung) человека в Вот-бытие. Вместо этого все выглядит так, как будто человек должен ждать и ожидал бы Бога. А возможно это есть двусмысленнейшая форма глубочайшей безбожности и оцепенение бессилия перед пре-терпеванием сбывания (Ereignung) того вклинивания Бытия, которое вначале предоставляет место в истине для предстояния (Hereinstand) сущего и наделяет его привилегией находиться в отдаленнейшей дали от прохождения Бога, привилегией, наделение которой происходит только как история: в преобразовании сущего в существенность своего определения и в освобождении из насилия махинаций, которые, используя сущее и [при этом] все извращая, истощают его.

ПРИМЕЧАНИЯ

Оговаривать сложность хайдеггеровского языка и затруднения его перевода было бы в настоящее время тривиальностью. Вместе с тем пояснения по важнейшим понятиям и выражениям избранного и переведенного текста все же необходимы. Такие пояснения создают определенный семантический горизонт и, разумеется, содержат в себе интерпретацию переводящего. Таким образом, перевод предстает как вариант прочтения. В современной российской литературе обсуждается – как один из актуальнейших – вопрос корректной репрезентации в русском языке того или иного философ-

ского материала (Н. Автономова, А. Ахутин, М. Кузнецов, Н. Мотрошилова, И. Михайлов, В. Подорога и др.). Поскольку проблема репрезентации требует отдельного обсуждения, отмечу здесь лишь неоспоримую важность словарно-энциклопедических источников для упомянутой корректности перевода. В конкретном данном случае исключительное место занимает Толковый словарь немецкого языка, Deutsches Wörterbuch von J. Grimm und W. Grimm / Hrsg. von B. Hirschfeld. Leipzig. 1854, bearbeitet von K. Euling. Leipzig 1936, который представляет этимологические филиации и оттенки значений немецких слов в исторической ретроспективе и тем самым приоткрывает источники, питавшие хайдеггеровский язык – и мысль. Также чрезвычайно важную роль при переводе именно этих разделов книги играет немецкий текст Библии (вариант лютеровского перевода), который проливает на них особенный свет: Bibel. B., 1964. Следует также указать на многотомный Исторический словарь по философии, Historisches Wörterbuch für Philosophie / Hrsg. J. Ritter. Münster; Basel, 1968.

[1] Die Zukünftige – наиболее распространенный перевод этого слова русским "будущие" безусловно правилен и по форме и по смыслу. Действительно, речь идет о будущем и тех, кто в нем будет. Однако два момента представляются существенно важными. Во-первых, префикс zu привносит в слово значение направленности, интендированности, адресования. Если учесть его отделение с помощью тире, название можно было бы перевести как "к грядущим", но этого не позволяет именительный падеж. Все же такая обращенность в заглавии сохранена и вполне заметна. Кроме того, в тексте употребляется также и термин "будущие" (Künftigen). Во-вторых, "будущее", образовывается от статичного "бывать" – "существовать, обретаться, находиться где, присутствовать" (Толковый словарь В. Даля); хотя оно также предполагает, правда, не в первую очередь, значение "приходить, навещать", то есть имеет некоторый момент активности. Однако хайдеггеровское историческое философствование акцентирует экзистенциальную динамику. В русском языке сохраняется вариант, уже несколько архаизированный, но в данном случае, на наш взгляд, более подходящий. "Грядущее" происходит от динамичного глагола "грясти" – прибывать, приходить, наступать; и оно сохраняет эту характеристику во всех производных образованиях. Грядущие – не просто предугадываемые в будущем, но наступающие на настоящее, входящие в него. Судьбоносность грядущих представляет своего рода параллель статусу и деятельности пророков, понимаемых не только лишь как медиумы, но как провозвестники и носители истины будущего. Взаимосвязь времен, которую здесь мыслит Хайдеггер, совершенно иная нежели общеупотребительное представление о хронологии (в развитие темы "Бытия и времени"). Наиболее ярко ее специфика выражена уже евангельским сюжетом об Иоанне Предтече и Иисусе Христе; их встреча и есть, собственно, similitude tempores, совпадение времен.

[2] Die Grundstimmung – как уже было сказано, контекст музыкальности вплетен в общее изложение работы. Принимая его во внимание, точнее будет говорить не только о настроении Stimmung грядущих, т.е. о соответствующем характере их личностного и эмоционального состояния, но также о *приведении* в такое состояние, настраивании. Это последнее по сути является первым, начальным и не зависит, как следует из текста, от

самих грядущих. Они подобны музыкальным инструментам, нуждающимся в настройке, чтобы быть тем, чем они должны быть – звучащей музыкой. Вместе с тем сюда привносится и мотив избирательности, поскольку автор обыгрывает многозначность корня stimm- в сочетании с различными префиксами и говорит о том, что грядущие "определяются последним Богом (werden... vom letzten Gott be-stimmt)". Примечание в скобках к § 249 напоминает о распространенном образе у Гельдерлина: нестройное звучание струн преображается под руками мастера. Когда Хайдеггер разъясняет соотношение основного и ведущих настроев грядущих, здесь вновь звучит тема фуги с ее лейтмотивами и контрапунктами. И можно заметить, что даже в синкопах и диссонансах Бытийной заброшенности присутствует та начальная тема (бытийствования Бытия), по которой и на которую настроены грядущие.

[3] Das Zuspiel – в статье М.В. Позднякова (Вопр. философии. 1999. № 7. "О Событии. Vom Ereignis".) это название второго раздела работы переведено как "Пас". Очень удачное благодаря многозначности слово, имеющее как активное значение передачи (мяча, шайбы), так и противоположное – пропуска хода, отступания перед обстоятельствами. Однако представляется важным, во-первых, найти, все же русское слово и, во-вторых, подчеркнуть момент соотнесенности принципиально различных "начал мышления" (из сущего и из Бытия), поскольку сам философ об этом пишет так: «Но подача истории мышления первого начала не есть добавление к некоей "новой" "системе" или ее преимущество, но есть существенная, подталкивающая к изменению подготовка иного начала» (S. 169). Следует заметить, что такая спортивная терминология, лишь ограниченно принятая в русском языке, не будет казаться слишком инородной в философской среде, если вспомнить о культуре – даже культе – спорта и спортивных игр в Германии (и Европе) 30-х годов. Состязательно-игровая ситуация понималась как способ человеческого бытия, homo ludens имел вполне наглядные формы выражения, спортивные игры выступали своеобразной рецепцией и параллелью греческой агонистике. Поэтому соответствующие ключевые спортивные термины у Хайдеггера, как известно, занимавшегося спортом не только по обязанности, достаточно органичны. Кстати, приведенная в начальной статье цитата о "разыгрывании" людей богами имеет, конечно, и этот подтекст.

[4] Der Untergang – находящаяся на поверхности ассоциация со шпенглеровским образом заката, упадка, гибели в данном контексте вполне уместна. Тем более, что такой вариант интерпретации слова подробно разворачивается в параллельно создаваемых Хайдеггером работах "Преодоление метафизики" и "Европейский нигилизм" (точнее, двухтомном труде, посвященном Ницше, 1936–1940 гг.). В них нашел отражение и ницшеанский мотив истолкования конечности человеческого существования, который усиливает стоическое принятие смерти до ее эпического прославления. Но здесь следует указать на иной, реже привлекаемый, смысл термина. Der Untergang обозначает также глубинное течение реки, низовой ход, а в строительной лексике – передвижение по земле в противоположность перемещению по строительным лесам над поверхностью земли. Это подразумевает осно́вность, подспудность процессов, потаенность и внешнюю незаметность. Толковый словарь указывает также на важное переносное значение слова: во-первых, про-

верка, испытание; во-вторых, "в духовном смысле" – добровольное подчинение. Итак, здесь идет речь о том, что именно такое глубинное движение, проходящее под верхним слоем метафизических процессов фальсификации бытия, является истинным, т.е. открытым бытию, обращенным к нему. Однако, говоря об изначальности, первичности движения нисхождения (Untergang), Хайдеггер подчеркивает его процессуально-подготовительный характер. Иными словами, существенно важное действие важно не само по себе, а благодаря своей ориентирующей направленности на Подлинное. При этом методологическое предшествование имеет историческое измерение: Хайдеггер пишет о современной "эпохе нисхождения" как своеобразной предыстории, точнее, введении в историю.

[5] Das Unwesen – сходная с предыдущей интерференция смыслов основного слова Wesen – существо, сущность, – и префикса Un-, который, выражая отрицательную оценку, усиливает значение основы. Но здесь Хайдеггер специально обращает внимание на своеобразную симметрию бытия и сущего. Подготавливанию бытийно-исторического существования соответствует усиливающийся процесс забвения бытия, коснение в псевдоморфности и ложных установках. Поскольку этот процесс определен к исполнению и имеет собственную логику ("идет своим путем"), он представляет противоположность подлинной сущности, *противо*сущность. Забегая вперед можно указать на аналогичные хайдеггеровские словоупотребления, например: Unseiende, *противо*сущее (в § 254). Это своего рода кривозеркальный эйдос сущего. Его важнейшей чертой является не столько даже противостояние сущему как таковому, сколько маскирование собственной сути, притязание на место и роль сущего, то есть своеобразное онтологическое оборотничество. Однако подобная фальсификация не является произволом противосущего; она именно свойственна истине Бытия, будучи ее судьбоносным компонентом. такова же по смыслу *не*истина (Unwahrheit в § 255), которая дихотомически противопоставляется истине, и в строгом смысле не должна переводиться как ложь, хотя подразумевает аспект заблуждения, ложности. А в характеристике Unmass (§ 252) – здесь "чудовищный объем" – подчеркивается, с одной стороны, измеряемость, рассчитываемость сущего, что и позволяет в принципе говорить об объеме; с другой стороны, этот самый объем (сущего), превосходящий любые масштабные схемы и сравнения, становится своей противоположностью, т.е. уникальной громадностью.

[6] О том, что народ есть не данность, а, скорее, заданность, которую необходимо осуществить, Хайдеггер говорил еще в 1933 г. Но теперь акцент переносится с поисков народом собственной сущности на поиски запредельного ориентира, который, вместе с тем, оказывается его, народа, подлинной сутью. Нельзя не заметить при этом прямых библейских параллелей, как ветхозаветных – коллизия скрижалей и золотого тельца, народного вероотступления бичуемого Исайей, Иеремией – так и новозаветных. Прежде всего это относится к Corpus Paulinum. Учитывая хайдеггеровские штудии по феноменологии религии 1920–1921 гг. и его внимание к идеям К. Барта, можно напомнить выразительный пассаж из Послания к римлянам: "Но как призывать *Того*, в кого не уверовали? как веровать в *Того*, о ком не слышали? как услышать, если не проповедовали? И как проповедовать, если не будут посланы?..." (Послание к

римлянам, 10:14). И раньше речь также шла о ведущих, кто судьбоносно берет на себя функцию вождя, и ведомых, то есть последователях. Но в этом случае лидерство (Fuehrerschaft) связывалось с личностно-волевым усилием, а духовный опыт общества – с "народно-государственным бытием". Позже Хайдеггер приходит к пониманию, что для постижения высшего начала "слишком малы народы и государства", и что оно возможно лишь при посредстве отдельных избранных.

[7] Der Streit – многозначность этого немецкого слова обусловливает заведомую неполноту перевода, которая может быть лишь несколько сглажена контекстуальными пояснениями. Современное употребление более подчеркивает вербальный и социально-юридический (также сводящийся к словесности) аспекты значения этого слова: спор, ссора, процесс (дело). Здесь подразумевается противостояние сторон, их противоречие друг другу – данный смысл отмечен В.В. Бибихиным в переводе хайдеггеровской работы "Что такое метафизика?". Но при этом в нем сохраняется и значение прямого столкновения, боя, которое, как указывает "Толковый словарь немецкого языка", включало вплоть до конца XVIII в. значение вооруженной борьбы, непосредственного действия, столкновения-схватки. Описывая отношение Земли (жизненных проявлений) и Мира, Хайдеггер подчеркивает, что они не просто противостоят друг другу, но сходятся в противоборстве. Особенное значение этого противоборства состоит именно в предельном проявлении сути сталкивающихся сторон, что и выступает предпосылкой События.

[8] Das Letzte – при рассмотрении и истолковании этого места необходимо принять во внимание тесную, хотя неявную смысловую связь das Letzte с термином das Ende и всем его семантическим полем. Такая параллель подразумевает не только окончание, завершение, т.е. характеристику конечности, исследуемую Хайдеггером в продолжение экзистенциальной аналитики "Sein und Zeit", но актуализирует старое значение das Ende как цели, надобности, побудительного начала, осуществляемого в виде результирующего процесса. В этом смысле целью жизни может выступать ее завершение, смерть. Также в данном контексте нужно учитывать и евангельские инверсии "первых-последних", например, наиболее часто цитируемое: "Так будут последние первыми, а первые – последними" (Мф. 20, 16). И, что, может быть, более важно – утверждение тождества этих полюсов: "...я есмь Начало и Конец...", "Я есмь Первый и Последний..." (Откр. 1, 8–17). Однако наряду с сохранением в тексте христианской семантики религиозной и нравственно-социальной направленности Хайдеггер стремится перевести ее в философскую плоскость, т.е. представить как коллизию бытия, как онтологическую инверсию.

[9] Das Gewesene und das Vergangene – Прошедшее и Сбывшееся принципиально различаются, поскольку принадлежат к разным темпоральным плоскостям: вульгарному, исчисляемому, хронологизированному – и событийно-экзистенциальному времени.

[10] Die Kehre – этот термин вроде бы не доставляет при переводе особых проблем; устоявшийся русский "поворот" вполне точно передает его смысл. Но как всегда оказывается важной вся семантически-контекстуальная палитра, придающая этому слову дополнительные смысловые оттенки и соответственно проясняющая хайдеггеровский текст. Помимо отмеченного В.В. Бибихиным диалектного значения (место крутого раз-

ворота горной серпантинной дороги при подъеме к перевалу; в: Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 5) слово сохраняет в себе целый этимологический ряд. Старонемецкое der Kehr у Таулера, Кайзерсберга, Лютера употреблялось преимущественно в значении поворота от тварного мира к Богу и молитве. Однако его более ранняя вариация в женском роде die Kehr обозначала действия и коллизии мирского бытия: резкий разворот плугом, всадником на коне – для нового захода или новой схватки с противником. Сходным, но не тождественным образом die Kehr означало уловку, применяемую борзыми в борьбе со змеями: отбежав подальше, "сделать крюк", "зигзаг" в нападающем прыжке. Кроме этого, die Kehr соотносилось с дорогой, путем, направлением: это определенная точка, пункт поворота, а также дорога, обходная обычной, объездной путь, уклонившийся в сторону. Можно назвать еще поворот судьбы ("зигзаг удачи"), фигуру танца, заход (прием, период) действия, отвод рукава реки или мельничного ручья и т.п. Таким образом, важно подчеркнуть, что слово не заключает в себе значения отступления, сдачи, признания собственного бессилия, но наоборот указывает на значительный потенциал того, кто решается на поворот. Второй момент, который здесь необходимо отметить, – бесспорное присутствие упомянутой христианско-мистической традиции. Ключевое в этом смысле понятие "обращения" – язычника Савла – выражается немецким die Bekehrung. В нем, как и в хайдеггеровском "повороте" важен акцент: на открывшейся самоочевидной истине. Перефразируя Ницше можно сказать, что die Kehre сосредоточивает внимание не на том, **от чего** отвернуться, а на том, **к чему** обратиться.

[11] Das Da – как уже не раз отмечалось, самостоятельное Da объединяет в себе семантические аспекты пространственности и темпоральности. Именно благодаря такому же широкому диапазону "Вот" лучше передает смысл этого слова нежели "Здесь", которое требует для уточнения еще "и теперь". Входя в состав других слов – Dagründer, Da-zwischenkunft, Da-sein – Da сообщает им ощутимый характер моментального местоположения, своеобразной хронотопности в значении первоосновной бытийной характеристики. Синкретическое Da специфицируется в темпоральном Augenblick, мгновении, которое помимо внешне выраженного временного значения обладает еще и экзистенциальным аспектом. Также важно указать на разнонаправленность Da: а). его соотнесенность со структурой человеческого бытия и б). его соотнесенность со структурой сущего (временное место, где открывается/скрывается бытие).

[12] Das Zugehörige – значение зависимости, принадлежания, усиленное архаичным понятием "кабальной зависимости" (Hörige), акцентирует историческую, т.е. судьбоносную "встроенность" человека в бытие. Но здесь привносится также значение слушания и слышания как основного способа восприятия человеком бытийных проявлений; к ним же относятся знаки, подаваемые богами, знаки событийности, почему и говорится так много об отзвуках и звучании. Единство этих значений хорошо передается русским "послушанием" или "послушествованием", в которых достаточно заметен характер сакральной посвященности. Впрочем, немецкая библейская лексика сохраняет подобную семантику: в Исходе (das Zweite Buch Mose) Бог требует прислушиваться к его голосу; обращение Савла осуществляется по голосу, который слышится всеми, но предна-

значен только одному; в Письме к римлянам утверждается, что "послушанием (Gehorsam) одного сделаются праведными многие" (русский перевод) и т.д.

[13] Das Zeit-Spiel-Raum – смысловое поле образуется здесь во взаимодействии нескольких составляющих: Zeitraum, Spielraum, Raum, а также тех акцентов, которые возникают благодаря дефисам. Ядром выступает Raum с его значением определенного пространства (не обязательно ограниченного или замкнутого). Синонимической парой ему является "место", Stätte (в большей степени нежели Ort, так как в нем сохраняются библейские аллюзии, чрезвычайно важные для этого произведения в целом и данных глав особенно), т.е. подобная же определенность. Например, в § 250 говорится о "мгновении и месте, на которое падает решение о пришествии или непришествии богов", аналогично в § 255, § 256. Schwingungsraum (§ 252) – пространство, в котором пульсирует, звучит, колеблясь, феномен близости Бога. Spielraum подчеркивает прежде всего незанятость и возможную предназначенность к чему-либо. Его сочетание с временным аспектом предполагает своеобразную квантованность времени в том смысле, в каком говорят: "часть жизни" или "часть времени". К этому значению близко хайдеггеровское Zeit-Raum (§ 255), которое может быть выделено, то есть дано (или не дано) для Мгновения как "просверка бытия". Вне такого именно *своего* временного поля Мгновение не может свершиться, поскольку "всему свое время...". Но кроме того, отделение дефисами Spiel привносит в словообразования важный смысловой оттенок игры, который проходит сквозь все данное произведение. Zeit-Spiel-Raum есть не только "пространственно-временной зазор", но это темпоральное место, где бытие "играет", т.е. иногда открывает себя (омонимия игры присутствует в таких выражениях, как "радуга играет", "вино играет" и т.п.). Поэтому использование уже работающего термина М. Бахтина представляется уместным.

[14] Die Not – в качестве одного из значений слова – наиболее общеупотребительного – выступает "нищета". С учетом ее семантического богатства, в том числе библейских аллюзий, "нищета" точно передает смыслы хайдеггеровской работы 1945 г. (*Хайдеггер М.* Нищета // Историко-философский ежегодник'95. М. 1996.). Однако в тексте "Beiträge..." акцентируется не только гнетущая лишенность, скудость, бедность в чем-либо, но также – в значительной степени – момент определяющей побудительности, потребности, необходимости, который связан с тем, что "Толковый словарь немецкого языка" характеризует как "состояние, когда нуждаются в помощи". В опыте нужды бытийной заброшенности человеку открывается возможность опыта бытия (который требует мышления из "нового Начала"). Такая понуждающая нужда выступает одновременно как онтологическая ситуация и как состояние человеческого бытия, а именно его потенцирование к предельному основанию, причем такое потенцирование, которое уже принадлежит самой запредельности.

[15] Das Nichts – в работе 1929 г. "Что такое метафизика?" Хайдеггер утверждает осн*о*вность Ничто: "...Ничто – источник отрицания, а не наоборот" (См.: *Хайдеггер М.* Время и бытие. М. 1993. С. 23). В данном труде, углубляясь в проблему основания, он уже рассматривает фундаментность Отрицательного как такового, присущего самому бытию, тот его аспект, который выступает в разнообразных способах и фор-

мах, также и в виде Ничто. Это отрицательное обладает смыслом постольку, поскольку соотнесено с сущим (в "Послесловии..." 1943 г. Хайдеггер уточняет, что речь не идет о "вообще" Ничто, а об "этом" Ничто, которое альтернативно сущему). Апофатическая логика рассуждения закономерно выводит на Отказ (die Verweigerung), также заключающий в себе двойственность. С одной стороны, он является соответствующим экзистенциальным усилием определения и тем самым отвергания сущего в целом. С другой стороны, это встречный акт священно-подлинной открытости бытия, которое именно в своей открытости являет собственную инаковость относительно сущего, тем самым отказывая ему.

[16] Die Rückwegigen – здесь проводится своеобразная параллель к понятию "поворота". Хайдеггер развертывает идею освоения бытийно-исторического пространства, включающего в себя и собственную теневую сторону: аспект забвения бытия. И если Поворот, декларируемый для всех, но воплощаемый в избранных, Будущих, соотносится с истиной бытия, то "обратившиеся" выполняют также важную судьбоносную задачу рекогносцировки всего пространства сущего. Хотя анализ, рассчитывание, измерение являются элементом метафизического мышления и действования, Хайдеггер говорит именно об измерении (ausmessen) обратного пути из бытийной заброшенности, измерении, которое должны осуществить возвращающиеся. Эта задача не просто важна, она несет на себе печать сакрального служения, недаром говорится о жертве тех, кто ее выполняет; поэтому слово "обратившиеся" представляется наиболее соответствующим. Однако нельзя не упомянуть о специфических образных параллелях такого разведывающего изучения. Путешествия в иной мир – Гильгамеша, Орфея, Одиссея – сопряжены с трудностями и опасностями, но самостоятельной проблемой выступает их возвращение, которое в определенном смысле опровергает гераклитовское утверждение, что путь вверх и путь вниз – один (т.е., что прямой и обратный пути тождественны). Еще большей многозначностью, безусловно задействованной в хайдеггеровском произведении, обладает ветхозаветный сюжет Исхода. Здесь роль и судьба предводителей возвращающегося народа обозначена четко, вплоть до определения возможности только увидеть землю обетованную, но не ступить на нее.

[17] Die Er-lösung – хотя, следуя из общего контекста, здесь напрашивается христианская семантика спасения, раз-решения, подчеркнутая, к тому же, дефисом, по смыслу ближе узкоспециальное: растворение. Хайдеггер особенно отмечает момент сохранения человеческой самости в преображающем процессе События.

[18] Das Unberechenbare – неисчисляемое (В.В. Бибихин переводит "неподрасчетное") стоит последним в перечне блоков онтологической россыпи, которая приводится Хайдеггером в последнем разделе книги (§ 257). Только это Последнее действительно выступает – по уже оговоренным причинам – фактором, принуждающим к мышлению истины бытия. В "неисчисляемом" присутствует значение бесконечного множества, громадного количества, объема; "неподрасчетное" же акцентирует в большей степени невозможность предвосхищающих проектов, прогнозов, операциональных действий.